

Женщина-шпионка во Франции в годы Первой мировой войны*

Галкина Юлия Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений,
доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4863-5027.

Researcher ID: AAE-4045-2020. E-mail: galkinskaya@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена специфике деятельности женщин в «массовом шпионаже» начала XX в. Первая мировая война обусловила появление новых практик противостояния и специфических стратегий мобилизации населения. Так, женщины, чей социальный облик традиционно подразумевал реализацию в лоне семьи, стали объектом пропаганды и ресурсом, который возможно задействовать в борьбе с врагом. Автор статьи прослеживает основные каналы привлечения женщин к войне спецслужб, реконструирует отношение профессиональных разведчиков к женщинам-шпионкам, рассматривает мотивации поступления женщин на такого рода службу. В качестве вывода предлагается идея, что женская гендерная принадлежность не имела негативный контекст при отборе агентов спецслужб: женщины обладали важными разведывательными возможностями и способностями, отличными от мужских, а общая неразвитость разведывательного и контрразведывательного дела в начале XX в. не позволяла утверждать об однозначно позитивном опыте использования мужчин (по сравнению с женщинами) в войне спецслужб. Настоящая статья является актуальной ввиду слабого исследовательского внимания по отношению к роли женщин в войнах спецслужб во французской историографии, а также в контексте политизированности т. н. «гендерной истории» в историографии США и стран Запада. Автор обращает внимание на актуальный (главным образом, в англо-американской историографии) тренд «деконструкции» образа Маты Хари как «антигероини» спецслужб, на долгое время задавший специфические ориентиры для восприятия женщины-шпионки как *femme fatale*, между тем, Мата Хари являлась характерным образом эпохи, а не исключением из несуществующих правил.

Ключевые слова: шпионаж, французские женщины, гендерная история, Первая мировая война, Франция, Мата Хари.

Сюжеты, связанные с деятельностью женщин-шпионок в военных конфликтах XX в., являются, пожалуй, наиболее волнующими и притягательными для современной культуры: приключения и личные жизненные траектории женщин, снискавших славу в шпионском ремесле, были востребованы с 1930-х гг. и актуальны по сей день. В современной западной науке и публицистике самым ярким женским образом, олицетворяющим шпионаж первой половины XX в., является Мата Хари. Однако академическое сообщество относится к ее персоне неоднозначно, критикуя за дилетантизм и формирование специфического образа женщин в спецслужбах как соблазнительниц-дилетанток [15]. В свою очередь, некоторые ученые говорят о Мате Хари как об архетипическом образе «опасной женщины», востребованном в первой половине XX в., и демонстрирующем доминирование патриархальной культуры, связанной с боязнью женщины, ее силы: «массовая культура прославляла мистическую женщину-вампа», отчего реальное понимание роли женщин в разведке было утрачено [21]. Американская исследовательница Т. Проктор предлагает деконструировать устоявшийся образ женщины в разведке и покончить с представлением о том, что шпионка тождественна соблазнительнице [Ibid]. Попытка Проктор глорифицировать военные усилия женщин, а также «деконструировать мужской нарратив» привела к тому, что образ шпионки в ее исследованиях обрел ореол горячей, честной патриотки, лишенной низменных или просто неоднозначных черт характера. Справедливо стремясь продемонстрировать многообразие женского инструментария в войне спецслужб, Проктор отмечает, что образ «шпионки-проститутки» не соответствует историческим реалиям [Ibid]. Между тем, если мы говорим о массовом шпионаже первой половины XX в., то именно женщины с сомнительной репутацией являлись «пехотой» спецслужб [5; 16, p. 126]. Британский разведчик О. Пинто, анализируя деятельность

женщин в шпионском ремесле, писал, что единственный способ эффективно использовать женщину – предложить ей добывать разведсведения, прибегая к методу т. н. «медовой ловушки», когда факт близких отношений с мужчиной-врагом использовался для дальнейшего шантажа [5, с. 32–33]. Пинто акцентировал внимание на том, что «такая женщина должна иметь душу проститутки» [там же]. В работе знаменитого сексолога М. Хиршфельда о Первой мировой войне, посвятившего исследование феномену сексуальности в военное время, приводилось мнение специалиста в области спецслужб: «Трудно найти женщину, которая, помимо всех других качеств красоты, светскости, элегантности и ума, обладала бы еще той бездушностью и беспринципностью, которая одна только может гарантировать успех шпиону» [23, р. 238]. Подобный подход к использованию женщин в войне спецслужб остается актуальным и по сей день, однако в условиях начала XX в. арсенал социальных ролей у женщин был не столь широк, следовательно, физическая привлекательность оставалась одним из важнейших критериев.

К сожалению, по объективным причинам источниковедческого плана исследований, посвященных проблеме работы публичных женщин на полицию или спецслужбы, не существует, хотя документооборот структур, ответственных за ведение разведки и контрразведки в странах Антанты демонстрирует широкий интерес военных к деятельности любого рода пансионатов, кафе и т. д. на оккупированных территориях (считалось, что такие заведения располагают к романтическим контактам), а также наблюдение за связями французских и бельгийских женщин с немецкими офицерами и солдатами [21]. «Рассадником шпионажа», вызвавшим тревогу французского военного руководства, была даже практика *maîtresses* – «крестных матерей», когда любая женщина могла выступить в роли «крестной» для бойца, у которого нет семьи, с целью переписки, отправки подарков на фронт, т. е. для поднятия боевого духа солдат. В реальности такие переписки часто отличались фривольностью, разлагали солдат, а завязывавшийся контакт мог иметь неприятные последствия по причине того, что «крестная» собирала информацию для врага. Поэтому за подобной патриотической практикой внимательно следили представители спецслужб Третьей Республики [20]. Французский антрополог А. Деверп в работе «Шпион. Историческая антропология секретности современного государства» отмечает, что портрет женщины-шпионки в годы Великой войны действительно имел сексуализированные черты с элементами жестокости, садизма и маскулинности, что касалось, например, художественных воплощений Э. Шрагмюллер или М. Хари [13, р. 164], но обывательское или литературное восприятие разведчицы вряд ли можно считать достоверной реконструкцией их подлинного восприятия современниками. Тем более, как отмечал исследователь, нельзя игнорировать прогрессивную мобилизацию женщин, свидетельствующую как о растущем уровне их профессионализации, так и возросшей степени вовлеченности в политическую жизнь своего государства [ibid, р. 165]. В 1930-х гг. шпионские рассказы, как вымышленные, так и основанные на реальных свидетельствах, пользовались широкой популярностью. Так, издатель Ш.-Р. Дюма продал порядка сорока тысяч экземпляров своих историй о работе Второго бюро¹ во время Великой войны, а издательство Бодиньер опубликовало шестидесятитомную серию «Тайная война» (*La Guerre Secrete*). Популярность шпионских приключений во Франции в 1930-е гг. отражала общественное «увлечение шпионажем», обусловленное событиями 1914–1918 гг., международной нестабильностью интербеллум, политической поляризацией, страхом перед потенциальными противниками – Германией, распространением коммунизма и т. д. [19, р. 11].

Одним из слабых мест в освещении заявленной нами проблематики является внимание к популярным, исключительным (в смысле – особенным) биографиям. За пределами исследовательского внимания остается множество вопросов: каковы были институциональные механизмы привлечения женщин к такого рода деятельности? Какое отношение среди профессионалов разведки бытовало по отношению к шпионкам? Каков социальный портрет женщины, вызвавшей стать агентом разведки? Современная французская историография отличается обилием беллетризованных биографий известных французских и бельгийских разведчиц: в качестве примера можно привести таких авторов, как Р. Коффер, Р. Рюффен, Н. Анри, Р. Дерюк и др. В академическом ключе, с привлечением оригинальных материалов французских и бельгийских архивохранилищ, женские траектории в спецслужбах в 1914–1918 гг. рассматривают два исследователя – Ш. Антье (С. Antier) и Э. Дебрейн (E. Debryune).

¹ Второе Бюро Генерального Штаба Франции – структура, отвечавшая за внешнюю разведку в годы Первой мировой войны.

Исследователи часто стремятся подчеркнуть, что мемуары военных – резидентов французской разведки, сотрудников Второго Бюро Генерального штаба армии и полиции, отличаются негативными репликами в отношении женщин-шпионок: женщинам приписывалось множество недостатков, таких как нехватка терпения, нервозность, стремление идти на поводу у собственных чувств [3, с. 62; 16, р. 125]: подобный «джентльменский набор» можно найти у капитана французской разведки Л. Лаказа в книге «Четыре года разведывательной работы». Считалось, что «используя свои чары, шпионка неизбежно оказывается в ловушке: она поддается любви и предает страну», их нервы играют негативную роль. Л. Лаказ, в годы войны неоднократно прибегавший к вербовке женщин (обладавших определенными разведывательными возможностями – имевшие поклонников в немецком консульстве, работавшие прислужкой у интересующих разведку лиц), в итоге писал о необходимости отказаться от подобной практики: «вербовка кокоток представляла опасность не для противника, а для нас». Лаказ солидаризировался с мнением о том, что максимум, на что годна женщина – работа в контрразведке при условии хорошего начальника, но для шпионажа она не годится [3, с. 62]. Французский разведчик, Ж. Крозье, напротив, активно привлекал в свою агентуру женщин. По его мнению, на стороне прекрасного пола было очарование, которого мужчины лишены, а в сметливости, умственных способностях и умении молчать женщины не уступали мужчинам, правда, отличались от мужчин повышенной жестокостью [2, с. 125–126]. Отношение к женщинам-агентам рознилось в зависимости от их мотивации и, конечно, от того, были они на своей стороне или на стороне врага: французский инспектор парижской префектуры, контрразведчик Ш. Фо-Па-Биде, занимавшийся делом М. Хари, негативно отзывался о ней, как о «банальной куртизанке», интересом которой были деньги, а не благородное чувство любви к Родине [10, р. 2]. В свою очередь, префект полиции А. Монури, вспоминая о работе двойного агента М. Ришар, называл ее не иначе как Мария Египетская [17, р. 71], очевидно, проводя параллель со святой – покаявшейся блудницей.

Сотрудниками Второго бюро осознавался потенциал женщин, а точнее возможности и перспективные направления задействования их в разведывательной или диверсионной работе. В документе «Об организации Службы разведки» 1915 г., хранящемся в фондах Второго Бюро Исторической службы Министерства обороны Франции, указывалось, что «в некоторых случаях мы можем рассматривать женщин как вербовщиков, хотя их роль, как правило, ограничивается ролью простого агента или осведомителя» [22]. Консерватизм оказывался неуместен, когда дело касалось защиты государственных интересов в военное время: женщины также привлекались для распространения слухов, выгодных противной стороне, для укрытия мужчин-шпионов и диверсантов, для фабрикация подложных документов, в качестве агентов влияния и т. д. Французы полагали, «если рождается доброе или дурное мнение, женщины с легкостью его разносят» [18]. Несмотря на то, что привлечение женщин к разведработе во Франции вряд ли можно назвать массовым, тотальная война способствовала широкому вовлечению в борьбу против врага всех желающих, поэтому специального исключения для женщин в разведке не делалось (хотя женщинам, стремившимся попасть на фронт, безусловно, отказывали). Если кадровый сотрудник видел, что дама обладает разведывательными или разведспособностями, она имела все основания для «приобщения» к войне спецслужб. В связи с этим говорить о гендерном дисбалансе между мужчинами и женщинами в шпионаже вряд ли корректно: военные чиновники в принципе в начале Великой войны мало доверяли агентурному методу сбора информации о противнике [16, р. 131], вне зависимости от того, кто составляет штат этой агентуры. Среди агентов Второго Бюро числилось множество проходимцев, а прошлому завербованных не уделялось должного внимания.

Какие же мотивы побуждали женщину выбрать такое ремесло? Недоброжелатели отмечали, что женщины занимаются этим из личного любопытства, жадности, тщеславия. Но и здесь не существовало однозначного взгляда: отмечалось, что женщины проявляли исключительный патриотизм, они редко вызывали подозрение, и когда к хитрости добавлялась красота, они преуспевали больше, чем мужчины. Если обратиться к материалу, преподаваемому в разведшколах Франции, то в некоторых пособиях отмечалось, что будущий разведчик должен непременно остерегаться женщин (*méfiez-vous les femmes*) [Ibid, р. 130], тем более что истории о том, как молодые офицеры попадали под обаяние женщин, особенно содержавших сомнительные заведения и курильни опиума, неоднократно описывались в соответствующей литературе [3, с. 122; 4, с. 42–43]. Традиционным мотивом здесь выступало мужское мотовство и страсть к порокам – истратив все деньги на женщин, выпивку и наркотики, скомпро-

метировав себя недостойным поведением, военные становились легкой приманкой для дальнейшего шантажа с целью получения секретных сведений в обмен на сокрытие информации о нравственной и финансовой деградации предателя. Специфику коммуникации офицеров со светскими дамами сотрудники спецслужб осознавали и с точки зрения психологических особенностей мужчин: так, дамам следовало заводить знакомства с офицерами и активно участвовать в совместных алкогольных возлияниях: считалось, что с женщиной наедине мужчина вряд ли начнет обсуждать служебные вопросы, но в компании своих сослуживцев он охотно ввяжется в споры, в ходе которых сможет сболтнуть сведения, составляющие тайну [1, с. 101]. Если мы рассмотрим каноничные биографии знаменитых французской и бельгийской разведчиц Марты Ришар или Габриэль Пети, то увидим, что они отправились на войну после смерти их мужей: смерть близкого человека стала триггером, после которого женщина выражала готовность заниматься любой неприятной работой. В популярной культуре нередко фиксировался мотив женской мести за погибших близких [21]. Однако представляется, что подобные построения были «примирительными» в контексте послевоенной глорификации разведчиц: «семейный фактор» облагораживал стремление женщин стать частью войны спецслужб. Хотя в ряде случаев, когда мужчина привлекался к работе спецслужбами и впоследствии погибал, его жена и/или родственницы предлагали свои услуги с целью продолжить дело супруга/родственника [12, р. 75].

Если мужчина имел возможность отправиться на фронт, то у женщины такой возможности не существовало, и участие в шпионской деятельности стало для нее способом ощутить себя солдатом. Бельгийский исследователь Э. Дебрейн отметил, что в Бельгии женщины составляли 25 % от числа всех агентов, иногда возглавляли сети (24 разведсети из 224 управлялись женщинами [Ibid., р. 75]). Семнадцатилетняя Ирэн Бастен, агент сети «Белой дамы», так описывала свой опыт: «Наконец-то сбылось то, чего я желала, я иду работать на страну как солдат» [Ibid, р. 86]. Часто мотивация была продиктована нежеланием быть впоследствии обвиненной в сотрудничестве с немцами, в проституции, а также нежеланием выглядеть пассивной перед лицом вторжения [11, р. 75]. Шпионаж часто был семейным предприятием, в этом случае бывает непросто отличить: выступает женщина как самостоятельный агент или как жена, которая поддерживает мужа в усилиях по сбору и передаче информации [Ibid]. Патриотизм, по мнению исследователя Э. Дебрейна, являлся ведущей мотивацией для занятий разведкой, тем более что шпионаж в начале XX в. воспринимался скорее как постыдная, общественно осуждаемая практика, при этом патриотический порыв часто сопрягался с яркой германофобией [Ibid, р. 56]. Впрочем, некоторые женщины шли на подобную работу, подзуживаемые чувством авантюризма и «спортивного состязания». Как писала одна из агентов сети «Белой Дамы»: «чем больше становилась опасность, тем очаровательнее была служба в наших глазах» [Ibid, р. 58].

Женщины были весьма подвержены действию пропаганды, идеи о «маленькой героической Бельгии, над которой было совершено насилие» (что постоянно муссировалось в прессе), могли приводить в состояние патриотического подъема. Разведчица Габриэль Пети писала перед арестом и смертью: «Я выполнила самую прекрасную миссию, о которой только могла мечтать женщина во время войны. Если я умру на службе, я умру как солдат, представляя свой флаг» [8, р. 152]. 21-летняя Марсель Семмер, занимавшаяся диверсионной работой в полосе отступающей французской армии и арестованная немецким патрулем, говорила: «Я сирота, у меня только одна мать – Франция» [14, р. 112].

Женщины обладали специфическими разведывательными возможностями, работая прислужкой, кельнершами и официантками, держательницами модных салонов, учительницами немецкого/французского языков. На территории Бельгии Красный Крест охотно привечал женщин-медсестер, которые имели возможность собирать информацию от населения, а также немецких, французских и бельгийских раненых [8, р. 144–145]. Но и те женщины, которые не входили в какие-либо официальные институты, могли в инициативном порядке заниматься наблюдением за передвижениями немецких войск.

В годы Первой мировой войны и позднее, в межвоенный период, стали известны имена многих французских и бельгийских женщин-разведчиц: Марта Ришар, Луиза Беттини (псевдоним – Алиса Дюбуа), Мария-Леония Ванхут, Матильда Лебрен², Габриэль Пети. Однако все

² Матильда Лебрен имеет менее известную судьбу. Она являлась двойным агентом: французские спецслужбы поручили ей пересечь немецкую границу и поселиться в Меце с немецкой семьей в качестве гувернантки. Она передавала сведения о складах боеприпасов, расположении и количестве войск,

эти случаи – «исключение из той постоянной работы женщин-шпионов, которая в большей своей части является грязной и мелкой, как и работа всякого шпиона, будь то мужчина или женщина» [4, с. 81–82]. Большинство женщин не снискали себе великой славы и работали курьерами, почтовыми ящиками, наблюдательницами за подвижным составом. Кроме того, женщины редко занимали руководящие должности, а структура их контактов позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения интенсивности межличностной коммуникации женщины также находились на периферии и редко замыкали на себя информационные потоки [12, р. 80].

Требующим исследовательского внимания вопросом является механизм привлечения женщин на такого рода работу. Большинство женщин, собиравших сведения о передвижениях немецкой армии и техники, привлекались к работе благодаря собственной семье. Профессиональные связи, равно как и дружеские, в случае женщин не играли практически никакой «рекрутинговой роли» (в отличие от мужчин), что было обусловлено их невысоким уровнем образования и домашним характером занятости [Ibid, р. 83]. Большинство женщин, входивших в состав разведсетей, были в браке.

Другой широко распространенный вариант вербовки – это работа по беженцам. Разведслужбы союзников (на территории Нидерландов или в Фолькстоне) при допросе беженцев, пересекающих границу, получали информацию об оккупированной зоне и выявляли наиболее способных и расположенных к разведработе агентов [11, р. 69]. Так была завербована Габриэль Пети.

Более сложный для анализа материал дают биографии знаменитых разведчиц. Выдающаяся роль, которую они могли играть в войне спецслужб, невозможность раскрыть действительные подробности своей работы, приводили к тому, что воспоминания этих женщин отличались высокой степенью легендарности. Так, согласно официальной версии, представленной самой М. Ришар, она получила возможность стать разведчицей благодаря «посредничеству» друга семьи «Зозо» (наст. имя – Жан Виолан), который сообщил о ней капитану Ляду, начальнику французской контрразведки [6]. Ришар была женщиной-авиатором, по всей видимости, имела множество дружеских связей, посещала увеселительные заведения. При этом ранняя судьба Ришар могла вызвать лишь сочувствие: она росла в неблагополучной семье, нелегальное детство в итоге привело ее на работу в солдатские бордели, она была вынуждена длительное время скрываться от полиции из-за заражения венерическими заболеваниями своих клиентов [напр.: 9]. Впоследствии Ришар при счастливых обстоятельствах вышла замуж за обеспеченного француза и освоила ремесло авиатора. Оснований полагать, что она была привлечена к сотрудничеству спецслужбами будучи публичной женщиной, у нас нет. Однако отметим, что во французской традиции существовала практика *condé* – сговора («молчаливого контракта») между полицейским/сотрудником спецслужб и преступником (в нашем случае – проституткой), согласно которому преступник продолжал осуществлять свою нелегальную деятельность, но взамен предоставлял ценные сведения сотруднику полиции, позволявшие раскрывать и предупреждать иные преступления/наблюдать за деятельностью вражеских разведчиков [напр.: 24, р. 151]. Можно сказать, что помимо вышеописанных ситуаций, сотрудники спецслужб обращали внимание на лиц, находившихся в окружении интересующих их объектов разработки и имели возможность привлечь к сотрудничеству ту или иную женщину, которая составляла ближнее окружение объекта оперативной заинтересованности.

Еще одной важной стороной жизни женщин-шпионов, на сегодняшний день исследованная недостаточно, стала их послевоенная судьба и профессиональное признание. Многие погибшие в годы Великой войны разведчицы были воспеты в национальном сознании: о Г. Пети в Бельгии говорили, что «у Франции есть Жанна д'Арк, а у Бельгии – Габриэль Пети» [14, р. 156]. Французскую разведчицу Л. де Беттини также сравнивали с Жанной д'Арк. Таким образом, погибшие женщины, работавшие в годы войны на союзные спецслужбы, удостоились статуса национальных героинь, стали могущественными символами своих наций. Однако подавляющее большинство женщин – представителей бельгийских или французских разведсетей – не получили наград и почестей, поскольку не являлись кадровыми военными. В рамках реализации социальной политики после 1918 г. правительства отдавали приоритет

структуре укреплений. Знание немецкого языка Лебрен скрывала. Ее «звездным часом» стало раскрытие диверсионной деятельности других женщин – г-жи Химено-Санчес и Пфаадт, работавших в портах Ниццы и Тулона и передававших сведения о кораблях, направлявшихся в Салоники. Лебрен выдавала себя за сообщницу этих женщин. Впоследствии две дамы были осуждены и расстреляны [8].

вдовам, сиротам и ветеранам, которых было значительно больше [8, р. 154]. Подобная ситуация характерна как для женщин, так и для мужчин – солдат тайного фронта. На наш взгляд, это было также связано с разногласиями между общественным мнением, которое стремилось «превратить» шпиона в героя, придать социальную важность своим усилиям в годы войны и позицией официальных властей, которая оставалась во многом консервативной. Как отмечал Э. Дебрейн, французы и бельгийцы, завербованные спецслужбами, позитивно встретили «переименование» своей «должности» из шпиона в агента-наблюдателя, кроме того, они стремились «милитаризировать» свой статус, хотели ощутить себя настоящими солдатами, принимать присягу и получить общественное признание. Они были крайне разочарованы отсутствием подвижек в этой сфере после войны [11, р. 61].

Таким образом, тотальная война и мобилизационные практики Первой мировой войны были направлены на сознание не только мужчин, но и женщин. Растущее участие гражданского населения в войне способствовало стиранию различий между комбатантами и некомбатантами, поэтому шпионаж, ставший массовым в начале XX в., с недостаточно развитой системой охраны государственной тайны, принимал в свои ряды многих желающих, не выделяя какой-либо пол как более или менее способный к шпионскому делу. Мужчины и женщины обладали разными разведывательными возможностями и способностями, органично дополняли друг друга. Потенциальные сложности были связаны не с гендерными различиями, но с неразвитостью разведывательного и контрразведывательного дела к началу Великой войны. Как и мужчины, женщины проходили краткосрочное обучение разведывательному ремеслу: идентификации вражеских подразделений и техники, способам передачи информации своим кураторам [12, р. 76]. При этом в отличие от мужчин-шпионов женщины были гораздо более медийными персонами: вероятно, это было связано с потребностями пропаганды – необходимостью подчеркнуть, что в новом мировом конфликте даже женщина готова воевать и рисковать своей жизнью.

Список литературы

1. Клембовский В. Организация военного шпионства в Австрии // Военно-исторический сборник. 1921. Вып. 4. С. 94–104.
2. Крозье Ж. Тайные миссии. Записки агента французского Второго бюро штаба армий. М. : Principium, 2020. 224 с.
3. Лаказ Л. Четыре года разведывательной работы (1914–1918 гг.). М. : Государственное военное издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1937. 135 с.
4. Паутина. Система германского шпионажа. М. : В. Португалов, 1915. 125 с.
5. Пинто О. Охотник за шпионами. М. : Воениздат, 1959. 222 с.
6. Рише М. Агент-двойник // С риском для жизни. М. : Политиздат, 1991. URL: http://militera.lib.ru/memo/french/riche_r_m/index.html (дата обращения: 18.10.2023).
7. Antier C. *La guerre secrète des résistantes et espionnes françaises et belges en 1914–1918?* // *La Résistance en France et en Belgique occupées (1914–1918)*. Lille : Publications de l'Institut de recherches historiques du Septentrion, 2013. URL: <http://books.openedition.org/irhis/3342> (дата обращения: 10.10.2023). DOI: 10.4000/books.irhis.3342.
8. Antier C. Resister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2008. № 4. Pp. 143–154. DOI: 10.3917/gmcc.232.0143.
9. Contre-espionnage. Souvenirs vécus et inédits du commissaire Faux-Pas Bidet // *Le Matin* (Paris). 1937. 28 Mai.
10. Coquart E. Marthe Richard, de la petite à grande vertu. P. : Payot, 2006. 297 p.
11. Debruyne E., van Ypersele L. De la guerre de l'ombre aux ombres de la guerre. Bruxelles : Éditions Labor, 2004. 316 p.
12. Debruyne E. «Une guerre des femmes»? L'engagement féminin dans les réseaux de renseignement en Belgique et en France occupées // *Revue de recherches sur le renseignement*. 2022. № 1. Pp. 69–96. DOI: 10.18278/rrr.1.1.5.
13. Dewerpe A. Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain. P. : Gallimard, 1994. 478 p.
14. Doucet M.-M. Héros et héroïnes: stéréotypes et représentations genrés dans la littérature patriotique de la Grande Guerre en France (1914–1919). Thèse présentée à la faculté des études supérieures et de la recherches en vue de l'obtention de la maîtrise ès arts en histoire. Département d'Histoire-Géographie, faculté des Arts et des Sciences Sociales. Mai 2010. 201 p.
15. Kauffer R. Les femmes de l'ombre. L'histoire occultée des espionnes. P. : Perrin, 2019.
16. Lahaie O. Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre: permanences et évolutions // *Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale*. Actes du colloque

international organisé par l'Académie du renseignement le 26 novembre 2014. P. : La documentation française, 2017. Pp. 123–144.

17. *Maunoury H.* Police de Guerre (1914–1919). P. : Editions de la Nouvelle Revue critique, 1937. 222 p.
18. Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). Fond Philippe Berthelot. Service de propagande, Russie (nov. 1915 – fev. 1917). Programme de propagande en Russie.
19. *Miller M.* Shanghai on the métro. Spies, intrigue, and the French between the wars. Berkeley : University of California Press, 1994. 448 p.
20. *Naour J.-Y., Le.* Épouses, marraines et prostituées: le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre. Paris : Autrement, 2004.
21. *Proctor T.* Female intelligence. Women and Espionage in the First World War. N. Y. : New York University Press, 2003.
22. Service historique de la Défense, Terre (SHD/T). 7 NN 2431. Organisation du Service de Renseignement. Annexe II. Recrutement et Instruction des Recruteurs et des Indicateurs.
23. The sexual history of the World War. N. Y. : Cadillac Publishing Co, 1941. 346 p.
24. *Zimmer L.* Un septennat policier. Dessous et secrets de la police républicaine. P. : Fayard, 1967. 240 p.

A female spy in France during the First World War

Galkina Yulia Mikhailovna

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of International Relations, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4863-5027. ResearcherID: AAE-4045-2020.
E-mail: galkinskaya@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the specifics of women's activities in the "mass espionage" of the early XX century. The First World War led to the emergence of new practices of confrontation and specific strategies for mobilizing the population. Thus, women, whose social appearance traditionally meant realization in the bosom of the family, have become an object of propaganda and a resource that can be used in the fight against the enemy. The author of the article traces the main channels of attracting women to the war of the special services, reconstructs the attitude of professional intelligence officers to female spies, examines the motivations of women entering this kind of service. As a conclusion, the idea is proposed that female gender did not have a negative context when selecting intelligence agents: women had important intelligence capabilities and abilities different from men's, and the general underdevelopment of intelligence and counterintelligence in the early twentieth century. It did not allow us to assert an unambiguously positive experience of using men (compared to women) in the war of the special services. This article is relevant due to the weak research attention in relation to the role of women in the wars of the special services in French historiography, as well as in the context of the politicization of the so-called "gender history" in the historiography of the United States and Western countries. The author draws attention to the current (mainly in Anglo-American historiography) trend of "deconstruction" of the image of Mata Hari as an "antiheroine" of the special services, which for a long time set specific guidelines for the perception of a female spy as a femme fatale, meanwhile, Mata Hari was a characteristic image of the era, and not an exception to non-existent rules.

Keywords: espionage, French women, gender history, World War I, France, Mata Hari.

References

1. *Klembovskij V.* Organizaciya voennogo shpionstva v Avstrii [Organization of military espionage in Austria] // *Voенно-istoricheskij sbornik* – Military historical collection. 1921. Is. 4. Pp. 94–104.
2. *Crozier J.* Tajnye missii. Zapiski agenta francuzskogo Vtorogo byuro shtaba armij [Secret missions. Notes of an agent of the French Second Bureau of the Army Headquarters]. M. Principium. 2020. 224 p.
3. *Lakaz L.* Chetyre goda razvedyvatel'noj raboty (1914–1918 gg.) [Four years of intelligence work (1914–1918)]. M. State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. 1937. 135 p.
4. *Pautina.* Sistema germanskogo shpionazha – The web. The system of German espionage. M. V. Portugalov. 1915. 125 p.
5. *Pinto O.* Ohotnik za shpionami [The Spy Hunter]. M. Voenizdat. 1959. 222 p.
6. *Richet M.* Agent-dvojniki [Double agent] // *S riskom dlya zhizni* – At risk to life. M. Politizdat. 1991. Available at: http://militera.lib.ru/memo/french/richer_m/index.html (date accessed: 18.10.2023).
7. *Antier C.* La guerre secrète des résistantes et espionnes françaises et belges en 1914–1918? // *La Résistance en France et en Belgique occupées (1914–1918)*. Lille : Publications de l'Institut de recherches historiques du Septentrion, 2013. Available at: <http://books.openedition.org/irhis/3342> (date accessed: 10.10.2023). DOI: 10.4000/books.irhis.3342.

8. *Antier C.* Resister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2008. No. 4. Pp. 143–154. DOI: 10.3917/gmcc.232.0143.
9. *Contre-espionnage. Souvenirs vécus et inédits du commissaire Faux-Pas Bidet* // *Le Matin* (Paris). 1937. 28 Mai.
10. *Coquart E.* Marthe Richard, de la petite à grande vertu. P. : Payot, 2006. 297 p.
11. *Debruyne E., van Ypersele L.* De la guerre de l'ombre aux ombres de la guerre. Bruxelles : Éditions Labor, 2004. 316 p.
12. *Debruyne E.* «Une guerre des femmes»? L'engagement féminin dans les réseaux de renseignement en Belgique et en France occupées // *Revue de recherches sur le renseignement*. 2022. No. 1. Pp. 69–96. DOI: 10.18278/rrr.1.1.5.
13. *Dewerpe A.* Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain. P. : Gallimard, 1994. 478 p.
14. *Doucet M.-M.* Héros et héroïnes: stéréotypes et représentations genrés dans la littérature patriotique de la Grande Guerre en France (1914–1919). Thèse présentée à la faculté des études supérieures et de la recherche en vue de l'obtention de la maîtrise ès arts en histoire. Département d'Histoire-Géographie, faculté des Arts et des Sciences Sociales. Mai 2010. 201 p.
15. *Kauffer R.* Les femmes de l'ombre. L'histoire occultée des espionnes. P. : Perrin, 2019.
16. *Lahaie O.* Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre: permanences et évolutions // *Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale. Actes du colloque international organisé par l'Académie du renseignement le 26 novembre 2014*. P. : La documentation française, 2017. Pp. 123–144.
17. *Maunoury H.* Police de Guerre (1914–1919). P. : Editions de la Nouvelle Revue critique, 1937. 222 p.
18. Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). Fond Philippe Berthelot. Service de propagande, Russie (nov. 1915 – fev. 1917). Programme de propagande en Russie.
19. *Miller M.* Shanghai on the métro. Spies, intrigue, and the French between the wars. Berkeley : University of California Press, 1994. 448 p.
20. *Naour J.-Y., Le.* Épouses, marraines et prostituées: le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // *Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement, 2004.
21. *Proctor T.* Female intelligence. Women and Espionage in the First World War. N. Y. : New York University Press, 2003.
22. Service historique de la Défense, Terre (SHD/T). 7 NN 2431. Organisation du Service de Renseignement. Annexe II. Recrutement et Instruction des Recruteurs et des Indicateurs.
23. *The sexual history of the World War*. N. Y. : Cadillac Publishing Co, 1941. 346 p.
24. *Zimmer L.* Un septennat policier. Dessous et secrets de la police républicaine. P. : Fayard, 1967. 240 p.